

Е.Н. ИВАХНЕНКО, Л.И. АТТАЕВА

АУТОПОЙЕЗИС «ЭПИСТЕМИЧЕСКИХ ВЕЩЕЙ» КАК НОВЫЙ ГОРИЗОНТ ПОСТРОЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ*

Аннотация: В статье предпринимается попытка рефлексии социальной теории, вырастающей из аутопойезиса сложных объектов – фондовых рынков, интернет-сетей, социальных коммуникаций. Основной тезис статьи: аутопойезис «эпистемических вещей» порождает социальные риски и заставляет пересматривать исследовательские практики и стратегии взаимодействия людей со сложными информационно насыщенными объектами.

По мнению авторов, первичное представление об аутопойезисе конкретных сложных анонимных объектов черпается из понятийного потенциала, накопленного в современных теориях коммуникации (N. Luman), объект-центричной социологии (K. Knorr-Cetina), а также в феномене индивидуально ориентированных Интернет-сообществ.

Abstract: The article reflects on the social theory growing out of autopoiesis of complex objects such as stock markets, internet-networks and social communications. The main point of the article is that autopoiesis of “epistemic objects” generates social risks and makes us reconsider our research practices and strategies of human interaction with complex information objects.

In the author's view the initial idea of autopoiesis of spontaneous anonymous systems is to be drawn from the conceptual potential of modern communication theories (N. Luman), object-centered sociology (K. Knorr-Cetina), as well as the internet-communities.

Ивахненко Евгений Николаевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной философии Российского государственного гуманитарного университета (Москва). E-mail: ivahnen@rambler.ru;

Аттаева Лейла Иналовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии Московского государственного гуманитарного университета (Москва). E-mail: attaeva1@rambler.ru.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 13-33-01009 а1).

Ключевые слова: аутопойезис, постсоциальные исследования, объект-центричная социальность, интернет-комьюнити.

Keywords: *autopoiesis, post-social studies, object-centered sociality, internet-community.*

Статья положена в методологическое русло «поворота к материальному» в социологии и социальной теории в целом. Речь идет о повороте от вещи в социологии к социологии вещей. Еще Э. Тоффлер, создавая свой «Future shock», придавал исключительное значение такому важному для исследователя качеству как «повышенная чувствительность к ходу времени». Чтобы это значило применительно к теме статьи? В самом общем смысле такая чувствительность определяется способностью оставаться релевантным изменяющемуся с калейдоскопической быстротой миру. По существу, предлагаются анализ, который, с одной стороны, примыкает к современным «постсоциальным исследованиям», с другой – в него включается тема аутопойезиса, соединяющая собой, по нашему мнению, современный социальный конструктивизм, постсоциальные исследования и системную теорию коммуникации. Нами отстаивается позиция «объект-центричного» социального познания. Речь идет об объектах, которые не только заявили о своем существовании, но и способствовали созданию новых форм объектных ориентаций.

Термин «постсоциальный» служит обозначением для расширяющегося спектра культурных форм, выходящих за пределы традиционных определений социального порядка. Наиболее отчетливо преимущества «постсоциальных» объект-центричных разработок проявились в исследованиях фактора непредсказуемости фондовых рынков¹. Наряду с этим, особую значимость в русле поставленных проблем приобретает объект-центричный анализ интернет-коммуникации. Происходит непрогнозируемый рост рисков, порожденный увеличением числа подобных объектов и усилением продуцируемых ими десоциализирующих сил. На этом фоне бесперспективными и тупиковыми представляются эссенциалистские подходы, так или иначе связанные со стремлением постичь нечто «изначальное» в обществе, его «генетический механизм» или «всеобщий закон». В постсоциальных исследованиях, становятся критически важным выработка культурных принципов, которые позволяют ближе подойти *изменчивости развития* общества как проявлению его аутопойезиса – самостроительства с перестраиваемой «по ходу» траекторией своего развития и своей организацией. Поэтому важной частью постсоциальных исследований остается ана-

¹ См.: Анализ рынков в современной экономической социологии. – М.: ГУ ВШЭ, 2008.

лиз рисков, которые возникают в тех случаях, когда объектные культуры получают преимущества, а представленные таким образом объектные отношения составляют конкуренцию отношениям человеческим.

Как это может быть? и как это может случиться?

В предлагаемом анализе значительную смысловую нагрузку несет понятие «эпистемический объект» (ЭО). Впервые термин «эпистемическая вещь» предложил Х.-И. Райнбергер для обозначения разворачивающейся структуры, не тождественной самой себе². Этот термин позволяя провести важное различие с объектами технологическими. Статус технологических вещей (инструментов и товаров), по Райнбергеру, определяется наличием в них фиксированных, стабильных свойств, готовых служить исследователям или потребителям. То есть субъект придает инструментальной вещи функции, о которых он знает и которыми он сам (до того) уже располагает.

Другое дело ЭО. Таковой порожден и продолжает свое развитие путем постоянной подпитки знанием, которое привносят в него субъекты, полагающие, как правило, что только пользуются им (фондовая торговля, интернет-коммуникация). Кроме того, эпистемическое влияние на сложные социальные объекты оказывают не только отдельные субъекты. Их разрастание в современных западных обществах («обществах знания») подпитывается усиливающимся влиянием экспертных систем (общественных экспертиз), которые прошли в своем развитии через два этапа.

Первый этап — *вещи/объекты в социологии* — связан с авторскими экспертными интерпретациями, когда группа специалистов изучает социальный объект и предписывает те или иные конкретные действия для его устойчивого и предсказуемого развития в «нужном» направлении. Предписания оформляются экспертами, которые в свою очередь «извлекают» рациональное действие из обобщенного представления о том, как и куда должны быть направлены организационные усилия заказчика. Цели, которые эксперт преследует, прямо или косвенно устанавливаются заказчиком экспертизы. И дело здесь вовсе не в злой или доброй воле последнего, а в том, что траектория развития социального объекта предписывается и направляется извне — из замыслов экспертов и составленными ими представлений о целе-сообразном (сообразно с его целью) использовании объекта. В этом случае те или иные интересы и цели групп населения преобразуются экспертами-профессионалами в набор инструментов влияния на объект, а знание выступает в качестве конкретного продукта (то-

² См.: Rheinberger H.-J. Experiment, Difference, and Writing: I. Tracing Protein Synthesis // *Studies in the History and Philosophy of Science*. — 1992. — Vol. 23. — № 2. — P. 305-331.

вара). В отношениях эксперта и объекта экспертизы в данном случае продолжает работать принцип отчуждения (Гегель, Маркс).

Второй этап — *социология вещей/объектов*. Вещи/объекты, которые преодолели порог сложности в своей «гибридной» (вещь-культура) эволюции, как это выясняется, способны «давать отпор» (Б. Латур), сопротивляться радикальным проектам целерационального конструирования. Применительно к таким вещам/объектам, наблюдения и исследования лишь увеличивают их сложность, а вовсе не превращают в послушные инструменты. Экспертное знание в данном случае выступает в качестве одного из факторов влияния, наряду с другими, отталкиваясь от которого эксперт/исследователь уже не получает прогнозируемой детерминации предполагаемого социального воздействия. Всегда получается в итоге что-то иное, чем предполагалось, рожденное *изнутри*, а не путем принудительного действия *извне*. Осмыслить и понять такое «перерождение» объектных социальных миров возможно тогда, когда культура «объектуализируется». Экспертиза/исследование в этом случае перестает быть разновидностью «инструментального действия» и становится разновидностью социального со-действия и со-производства социальной реальности. По существу, формулируется тезис об отсутствии какой-либо иной, отличной от сконструированной со-действием «человек-вещь», социальной реальности. Поэтому социальная эпистемология, нацеленная на такую реальность общества, освобождает/оберегает себя от абстрактного (отвлеченного от вещей — «объектности» мира), построенного на трансцендентных принципах, ее проектирования. Теперь эпистемические вещи/объекты уже не орудия, не инструменты, не товары и не посредники в традиционном смысле, а всегда — гибриды природы и культуры³. Концепция социальности, применительно взаимодействия с ЭО, существенно меняется.

В своей статье К. Кнорр-Цетина и У. Брюггер предложили интерпретацию ЭО как объекта знания, способного разворачивать свою сущность, «взрываться» и «мутировать». Так, если «инструменты и товары по сути своей напоминают закрытые ящики стола конкретного размера с четко очерченными углами, — пишут авторы, — то объекты знания скорее подобны выдвинутым ящикам, заполненным папками, ряды которых теряются в темноте отведенного им пространства стола»⁴. Определяющей ха-

³ См.: Латур Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Пер. с фр. Д.Я. Калугин; Научн. ред. О.В. Хархордин. — СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. — С. 95.

⁴ Кнорр-Цетина К., Брюггер У. Рынок как объект привязанности: исследование постсоциальных отношений на финансовых рынках // Социология вещей. Издательский дом «территория будущего». — М., 2006. — С. 318.

рактической характеристикой ЭО называется «недостаточность объективности и завершенности существования, нетождественность самому себе»⁵.

Приведем только несколько сопоставлений двух типов объектов – инструментального и эпистемического.

ОБЪЕКТЫ	
Инструментальный	Эпистемический
"Равен самому себе". В нем содержится скрытая, но полностью развернутая сущность ("стол с закрытыми ящиками").	"Не равен самому себе". Приобретает новые свойства и изменяет те, которые имел ("постоянно воспроизводящаяся незавершенность").
Позиция независимого наблюдателя.	Наблюдатель включает в объект акт наблюдения (знания и действия)
Исследователь стремится определить управляющий уровень, осуществить перехват управления.	Исследователь влияет на объект в ходе исследования, со-производит и подпитывает его относительную автономию, осуществляя "тонкую подстройку", со-делание, взаимное сотворение.
Предполагается, что существует (потенциально) единственно верное описание, а все другие стоят ближе или дальше от него.	Объекты генерируют всевозможные знаки, репрезентации, которые требуют расширения социального воображения и словаря.
Антропоцентрические системы.	Анонимные системы со свойствами живого организма, способные порождать непрогнозируемые социальные риски.
Наделяются человекообразностью, а их содержание и сущность усматривается в социальных отношениях.	Замещают прежние социальные роли и функции. Участвуют в формировании эмоциональных миров, коллективных договоренностей, морального порядка.
Идентичность обретается исключительно в социальных отношениях	Диктуется необходимость определения идентичности (обретения своего "Я") с точки зрения объектных принципов и категорий.

На нечто подобное указывал М. Хайдеггер. «Послушные», «прозрачные», выверенные человеком вещи определялись им как «оснастка» ("Zeug"), через которую осуществляется наше инструментальное пребывание в мире⁶. Оснастка требует от человека заботы и опеки. В свою очередь «вещь» идентифицируется с теми объектами познания, которые только и достойны быть («Бытийствовать»), то есть всегда напоминать о себе помимо и вне каких-либо теоретических рассуждений, накопленных и рационально упорядоченных.

Водораздел между отчужденными объектами (инструментами, фетишизированными товарами) и объектами, названными «эпистемическими», проходит по линии, разделяющей отсутствие или наличие аутопойезиса. Вводя понятие «аутопойезиса»⁷ в социологию вещей, мы получаем дополнительную возможность привключить в исследовательские практики, по меньшей мере, две дополнительных позиции, позволяющие уси-

⁵ Там же.

⁶ См.: *Хайдеггер М.* Время и бытие // *Время и бытие: статьи и выступления*: Пер. нем. – М.: Республика, 1993. – С. 391-406.

⁷ Аутопойезис (от греч. αὐτός – сам, ποιῶντις – создаю, произвожу, творю) буквально означает само-строительство, само-производство или воссоздание себя через себя самого.

лить нашу аргументацию аутопойезиса ЭО как горизонта построения социальной теории на иных (неклассических) принципах.

Первая позиция – это привлечение исследовательского потенциала современных коммуникативных теорий, где тема аутопойезиса вполне успешно реализуется. Так, Н. Луман рассматривает коммуникативные революции (язык, письменность, книгопечатание...), как ступени эволюции аутопойезиса коммуникации⁸. Технологически обособившиеся электронные массмедиа рассматриваются им как его очередная ступень, на которой коммуникация способна продуцировать новые формы профессиональной кооперации и, в конечном итоге, социальности в целом. По сути, Луман описывает в терминах «операционального конструктивизма» некоторые следствия эволюции объекта (электронных массмедиа)⁹. К таким следствиям следует отнести наращение сложности, которое позволило запустить принципиально новое свойство социальных объектов – способность к автономному продуцированию непредсказуемых прежде коммуникативных образований.

Системная теория Лумана сконцентрирована на вопросе: как возможна коммуникация? Ответ на такое вопрошание предполагает соблюдение важного условия – это отказ от того, что сознание располагает трансцендентальными по происхождению и включенными в него привилегированными качествами. *Чем* тогда на самом деле обусловлена позиция наблюдателя? Н. Луман высказался на этот счет вполне определенно: как представить себе наблюдение, если не рассматривать самого наблюдателя как систему? как наука может наблюдать, сама не будучи системой... системой с социальной зависимостью?¹⁰

При такой постановке вопроса, когда мы рассуждаем о системах, мы наталкиваемся на сходство объекта нашего рассмотрения (включая нас самих и сам акт нашего наблюдения) с русской матрешкой, но с такой, в которой не удастся обнаружить последнюю, неразборную фигурку. Бесперспективным в данной ситуации становится поиск субстантивного начала или первоэлемента коммуникативного действия.

Отправным пунктом в осмыслении системной теории может служить тезис, предложенный Н. Луманом. Он прост, оригинален и даже тавтологичен – коммуникация осуществляется только через коммуникацию и не что другое. Иначе говоря, понять как развивается коммуникация можно

⁸ См.: Луман Н. Медиа коммуникации / Пер. с нем. А. Глухова, О. Никифорова. – М.: Логос, 2005.

⁹ См.: Луман Н. Реальность массмедиа: Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. – М.: Праксис, 2005.

¹⁰ Луман Н. Введение в системную теорию: Пер. с нем. К. Тимофеева. – М., 2007. – С. 63-64.

только из механизма ее самой, а не, из нашей – казалось бы очевидной – способности узреть в продуктах коммуникации ее суть, финальную схему. Выдвигая этот тезис, Н. Луман прямо указывает на его связь с тезисом, предложенным в 70-е гг. прошлого века У. Матураной и Ф. Варелой. Эволюция, как писали чилийские нейробиологи, является продуктом не тщательно продуманного плана, а естественного дрейфа; она творит по аналогии с блуждающим по миру скульптором, а именно – так, как позволяет структура находок. В нашем случае важно подчеркнуть, что коммуникация, как и сама биологическая жизнь, не оставляет следов своих начал и не воплощает в своих конкретных проявлениях (акт коммуникации, клетка, организм и т.д.) самого способа, которым они порождены¹¹. Если бросить взгляд за горизонт нейробиологии, то данное положение становится весьма значимым при рассмотрении таких процессов как развитие обществ, человеческой истории, образовательных систем, психики, человеческих судеб, Интернета и информационной сферы в целом.

Из выдвинутого Н. Луманом тезиса следует, что коммуникация строится вовсе не на какой-то рациональности, предустановленной «самой ее природой». Дело не в том, что не существует рациональная коммуникация, а в том, что ею не определяется природа коммуникации в целом. Привнесение предзаданных рациональных схем в коммуникацию используется в прикладных теориях коммуникации, является, например, фактором успешности той или иной PR-структуры. В нашем случае речь идет о коммуникации как системной теории общества, когда вопрос: как возможна коммуникация? сближается по смыслу с вопросом: как возможно общество? В этом отношении, не следует полагаться на то, что где-то в глубине коммуникации скрыт закон «правильного» ее построения, ожидающий своего открытия, как Америка ожидала своего Колумба. Коммуникация, согласно лумановскому подходу, строится не на предустановленных нашим сознанием принципах «какой она должна быть», а на логике различений. Сознание (равно, осознание) коммуникативного акта всегда осуществляется после того, как механизм различений уже сработал. Мы каждый раз исходим из того, что объяснить родившуюся коммуникативную ситуацию можем лишь позже. Но если рациональная коммуникация ставится под сомнение, то, что тогда может стать ее реалистичной альтернативой в поиске социальной теории? – Это то, что можно назвать «коммуникативной рациональностью», т.е. то, что организуется *до* того, как может быть осознанно, представлено системно. В основе коммуникативного процесса лежит не какой-

¹¹ Матурана Ф., Варела У. Древо познания: Пер. с англ. Ю.А. Данилова. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 224 с.

то неразложимый элемент/начло, добравшись до которого «мы все пойдем», а — операция, которая примыкает к другой операции.

Обозначенный подход к проблеме коммуникации следует считать неклассическим. В XX веке к нему протаптывались тропинки с разных сторон: как условие образования *смысла* в словоупотреблении (в семиотике — Ч. Пирс, в семиологии — Ф. Соссюр)¹²; законов *форм* в логике («Законы формы» Дж. Спенсера-Брауна)¹³, *эволюции живых организмов* в биологии (У. Матурана и Ф. Варела)¹⁴. На коммуникации различений, как уже было отмечено, строит свою *теорию социальных систем* Н. Луман — один из самых влиятельных и, одновременно, «труднопрочитаемых» философствующих социологов современности.

Таким образом, коммуникация выстраивает саму себя через себя же, осуществляя тем самым аутопойезис (самостроительство). Над ней не стоит некая предустановка сознания. Поэтому коммуникация безостановочно порождает контингентность¹⁵, а потому ее социальные порождения, подобно порождениям биологической эволюции, в широком смысле слова, непредсказуемы. Из сказанного вовсе не следует призыв к отказу от осознанного поведения/влияния личности/эксперта, а также — к отказу от ответственности социолога за свои поступки. Более того, установка на отсутствие предустановленного порядка (схемы, закона и т.д.) развития коммуникативного процесса, в широком смысле слова, предполагает куда большую ответственность, чем в том случае, когда кто-то искренне считает, что он располагает неоспоримыми доказательствами «единственно верного знания» об обществе. Опыт истории показывает, что безответственные социальные поступки чаще всего исходят из метафизических интеллектуальных установок. Насилие — политическое, интеллектуальное, физическое — наиболее вероятное следствие стремления привести всех других к известному ими «истинному» предназначению общества и истории — того, как и куда они должны быть направлены/перенаправлены.

Вторая позиция аргументации аутопойезиса ЭО как горизонта построения социальной теории — обогащение словаря объект-центричной социологии за счет включения в социологический дискурс словарей погра-

¹² Соссюр Ф. Труды по языкознанию. — М.: «Прогресс», 1977.

¹³ Spencer Brown G. *Laws of Form*. Georg Allen and Unwin Ltd. — London, 1969.

¹⁴ Maturana H.R., Varela F.J. *Autopoiesis and Cognition. The Realization of the Living*. — Dordrecht, 1980.

¹⁵ Русское слово «случайность» не полностью совпадает с английским «контингентность» (contingency). Контингентность точнее передает смысл антифундаменталистских установок, например, в современном неопрагматизме (Р. Рорти). Под контингентностью следует понимать ситуативность, привязанность любого феномена к определенному месту и времени, а также непредзаданность существования человека в исторически изменчивом мире, его непредсказуемость и амбивалентность.

нических областей знания (теории коммуникации, динамическая/неклассическая теория информации и др.). Данный подход позволяет выйти за пределы прежних мыслительных схем, а также существенно расширить представление об объект-центричности как таковой. Признаки уже известных ЭО (фондовый рынок) вполне просматриваются в системных теориях организации. Э. Морен, например, усматривает – по наличию рекурсивной петли – универсальную общность организации социальных объектов с такими «чисто физическими» объектами, как океанические течения, вихри и др., поскольку они способны поддерживать собственную генеративность (воспроизводить собственное существование во времени). В своей известной книге «Метод. Природа Природы» он обосновывает положение о том, что мы имеем дело с «организационной гомологией» – *организации* природы, *организации* общества и *организации* сознания¹⁶. В этом утверждении Морена вовсе не следует искать следы редукционизма, оно гораздо глубже и продуктивнее, чем это может показаться в первом приближении.

Как уже было отмечено, объект приобретает эпистемический статус, когда изменяет свои свойства и подпитывает свою эволюцию из наблюдающей/исследующей ее науки и экспертного знания. Для естествознания подобная концептуализация вполне обычное дело (квантовая механика), тогда как в социальных науках ей еще предстоит проторить свою дорогу. Но именно эти интегративные свойства ЭО дают основание включать в социальные теории те понятия, термины, обозначающие качества ЭО, которые, по определению К. Кнорр-Цетины, формируют эмоциональные миры, личностные и групповые. Социальная теория в этом смысле уже не может представлять собой некую мета-конструкцию/систему или господствующую над миром систему идей и т.п. Социальная теория в этом случае представляется системой систем со своей рекурсивной петлей: «Теория сложных систем преобразует систему, которая ее формирует»¹⁷.

Таким образом, настоящую статью следует рассматривать как часть более широкой программы преодоления «классических» представлений о поведении социальных объектов, которые прошли точку запуска аутопойезиса и для себя во времени как объекты «эпистемические». Словом, для нас наибольший интерес представляет не столько то, как люди, руководствуясь своими рациональными представлениями и тем самым осуществляют инструментальную деятельность при помощи вещей, сколько то, как наплыв объектных миров сопротивляется конструктивистским на-

¹⁶ Морен Э. Метод. Природа Природы: Пер. Е.Н. Князевой. – М.: «Канон+»РООИ «Реабилитация», 2013. – С. 186.

¹⁷ Там же. – С. 187.

мерениям человека и изменяет его социальность — через аутопойезис отношений (процессов) между людьми и «ожившими» вещами/объектами.

К числу важнейших факторов, способствовавших повороту к объектно-центричной социальности, следует отнести глобализацию технологических и коммуникативных сетей. Сама по себе глобализация, как известно, не привела автоматически к глобализации идентичностей, но привела к порождению многочисленных локальных микроструктур в обществе (community) с их идентичностями. Не трудно заметить и то, что описание и классификации многочисленных комьюнити, их состав и структура стали утрачивать четкие очертания. Наиболее очевидно это проявилось в индивидуализированных сообществах интернет-коммуникации, где объект-центричная социальность представляет оборотную сторону современной индивидуализации.

Обозначенная трансформация не открывается сразу, а порожденные ею формы социальности еще не выражены явно и зачастую остаются в поле традиционных интерпретаций — как очередное социально-групповое образование. В этой связи уместно констатировать: там, где традиционно работала связка «человек — человек» (или «человек — социальная организация»), стали образовываться связка «человек — эл. инф. устройство». Современные пользователи интернет-комьюнити далеко не исчерпывают списка тех, кто безоговорочно принял электронного посредника между своим вопрошанием к миру и ответом на него: заработную плату мы теперь получаем не из рук кассира, а из прорези банкомата, говорим с диспетчером через переговорное устройство, ищем интересующую нас информацию вбрасывая сформулированный вопрос в «бездушную» поисковую систему, вступаем в переговоры в ЧАТе с инкогнито, скрывающегося под ником... Но сама по себе констатация того, что первый тип связки («человек — человек») уступает место второму типу («человек — устройство») в условиях сохранения традиционной социологической интерпретации, мало что прибавляет к пониманию изменяющейся на глазах социальности события.

Описывая аутопойетические объекты традиционным языком (словарем) субъект-объектной социологии, мы обречены искать для них место в старых мыслительных схемах. Для релевантного их объяснения и понимания («чувствительности к ходу времени») необходимо включение по меньшей мере потенциала словаря объект-центричной социальности. При этом мы получаем доступ к анализу рисков, которые таятся за вовлеченностью субъекта отношения, где приоритет и «инициатива» принадлежит «ожившим» вещам — высокотехнологическим/ коммуникативным/ симбиотическим объектам.

Осенью 2008 г., в разгар финансового кризиса, прозвучало признание Алана Гринспена, бывшего главы Федеральной резервной системы США, которое он сделал на заседании комитета Палаты представителей в Конгрессе США. Гринспен тогда заявил, что происходящее перевернуло его понимание того, как вообще функционирует рынок и что ни одна из существующих математических моделей не может охватить масштаба его сложности. В самом деле, не один лауреат Нобелевской премии по экономике не смог предсказать финансовой катастрофы. И даже в наши дни, когда острая фаза кризиса миновала, ведущие экономисты признают, что кризис не имеет четких границ, он может «притихнуть», но также может неожиданно «взорвать» мировую финансовую систему. Иными словами, объект усложняется, а его эволюция всегда на шаг опережает те модели, которые предлагаются специалистами для его обуздания и контроля за ним. Экономистам, бизнесменам, финансистам и политическим лидерам кризис представляет возможность только искать инструменты тонкой подстройки к приобретенной свойству «живой машины» мировой финансовой системы, но не уже оставляет шансов перехватить инструментальное управление ею. По сути, объектный сдвиг, стал данностью экономической социологии. Релевантным исследовательским ответом на такую данность вполне может стать новая концептуализация социальной разворачивающихся объект-центричных аутопойетических структур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анализ рынков в современной экономической социологии. — М.: ГУ ВШЭ, 2008.
2. Кюрр-Цетина К., Брюггер У. Рынок как объект привязанности: исследование пост-социальных отношений на финансовых рынках // Социология вещей. Издательский дом «территория будущего». — М., 2006.
3. Латур Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Пер. с фр. Д.Я. Калугин; Научн. ред. О.В. Хархордин. — СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006.
4. Луман Н. Медиа коммуникации: Пер. с нем. А. Глухова, О. Никифорова. — М.: Логос, 2005.
5. Луман Н. Реальность массмедиа: Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. — М.: Практикс, 2005.
6. Луман Н. Введение в системную теорию: Пер. с нем. К. Тимофеева. — М., 2007. — С. 63-64.
7. Матурана Ф., Варела У. Древо познания: Пер. с англ. Ю.А. Данилова. — М.: Прогресс-Традиция, 2001. — 224 с.
8. Морен Э. Метод. Природа Природы: Пер. Е.Н. Князевой. — М.: «Канон+»РООИ «Реабилитация», 2013.
9. Соссюр Ф. Труды по языкознанию. — М.: «Прогресс», 1977.
10. Хайдеггер М. Время и бытие // Время и бытие: статьи и выступления: Пер. нем. — М.: Республика, 1993. — С. 391-406.
11. Maturana H.R., Varela F.J. *Autopoiesis and Cognition. The Realization of the Living.* — Dordrecht, 1980.
12. Rheinberger H.-J. Experiment, Difference, and Writing: I. Tracing Protein Synthesis // *Studies in the History and Philosophy of Science.* — 1992. — Vol. 23. — № 2. — P. 305-331.
13. Spencer Brown G. *Laws of Form.* Georg Allen and Unwin Ltd. — London, 1969.